

The background of the book cover is a photograph of a woman with long blonde hair, wearing a dark blue t-shirt with a red and white graphic, a light blue skirt, and dark green thigh-high boots. She is standing on a paved path made of rectangular stones, looking back over her shoulder. In the background, there is a green hill and a church with blue domes and golden spires under a clear blue sky.

Виктория Трелина

# Рассказы о любви

сборник рассказов

# **Виктория Трелина**

## **Рассказы о любви**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=11829374](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11829374)*

*ISBN 978-5-4474-2169-4*

### **Аннотация**

Ты отправляешь мне редкие сообщения. Ты отправляешь их, когда тебе удобно, когда тебе скучно, когда тебе хочется. Ты отправляешь их, чтобы встретиться со мной. Ты никогда не подписываешься и не указываешь время встречи, потому что знаешь, что кроме тебя я никого не жду. Потому что знаешь, что прибегу к тебе в любое время дня и ночи в любую географическую точку планеты. Потому что знаешь, что я люблю тебя так, как никто никого никогда не любил...

# Содержание

Я лечу к тебе	5
Чужое счастье	11
Вторая любовь	17
Измена	21
Миллион за мечту	27
Смайлики	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

# **Рассказы о любви сборник рассказов Виктория Трелина**

© Виктория Трелина, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе  
Ridero.ru

# Я лечу к тебе

Ты отправляешь мне редкие сообщения. Ты отправляешь их, когда тебе удобно, когда тебе скучно, когда тебе хочется. Ты отправляешь их, чтобы встретиться со мной. Ты никогда не подписываешься и не указываешь время встречи, потому что знаешь, что кроме тебя я никого не жду. Потому что знаешь, что прибегу к тебе в любое время дня и ночи в любую географическую точку планеты. Потому что знаешь, что я люблю тебя так, как никто никого никогда не любил...

\*\*\*

«Жду в парке», – читаю я на маленьком дисплейчике своего пейджера. Наконец-то ты вспомнил обо мне. Я прыгаю от радости прямо посреди моста. Подо мной внизу едет поезд, я поспешно формулирую желание, загадываю, чтобы ты полюбил меня. Может быть, ты уже меня любишь, я не знаю. Главное то, что я тебя сейчас увижу! Моё солнышко, мой мальчик, ты ждёшь меня в парке. Я лечу к тебе...

– Привет, – развалившись на скамейке, ты щёлкаешь семечки, смотришь куда-то сквозь меня. У тебя на ногах синие комнатные тапки. Тебе так удобно, и плевать ты хотел на мнение прохожих. И на моё мнение тебе плевать, или ты

просто знаешь, что я люблю тебя вне зависимости от обуви, семечек, презрительной гримасы на лице – вне зависимости от всякого контекста. И ты плюёшься подсолнуховой скорлупой себе под ноги.

– Здравствуй, – я обожаю тебя любого: и такого равнодушного в домашних шортах и тапочках я тебя всё равно обожаю.

– А ты рада, что я позвонил, – ты не спрашиваешь, ты уверен в себе и довольно ухмыляешься.

Ты медленно подкуриваешь, затягиваешься, откидываешься на спинку скамейки, критично и слегка насмешливо рассматриваешь меня сквозь сигаретный дым. Я молчу и наивно улыбаюсь. Я не знаю, как вести себя с тобой. Когда ты рядом, я становлюсь очень глупой. Ты встаёшь, нескромно подтягиваешь шорты, щёлкая резинкой по своему упругому прессу. Ты не предлагаешь мне прогуляться, ты вообще ничего не говоришь, просто идёшь в глубину сквера. Я, как верная собачонка, тихонько ступаю за тобой. Мне кажется, ты вообще забыл про меня и идёшь через парк домой. Я дойду с тобой до подъезда, и перед моим лицом за тобой захлопнется дверь. Я, конечно, готова ждать тебя на скамейке всю ночь. Но это не правильно. И хотя мне тоже плевать на мнение прохожих, я поплечусь обратно. Для меня важно только то, что обо мне подумаешь ты. Но ты, видимо, обо мне совсем не думаешь...

«Жду на остановке», – ты снова хочешь меня увидеть. Я простужена, и сильно кашляю. Выпрыгиваю из-под пледа, разливая чай на диван. Любимый, дорогой, я лечу к тебе...

– Поехали, – ты мрачен и бледен, как принц Гамлет. Я не спрашиваю, куда мы едем, пусть хоть на край света, главное, что с тобой. Я украдкой рассматриваю твоё отражение в зеркале заднего вида – ты прекрасен: глубокие чёрные глаза, подвижные скулы, глянцево-серый галстук, тонкие жесткие губы. Как я тебя обожаю!

Мы останавливаемся у незнакомого подъезда. Ты выходишь, не подавая мне руки. Я снова молча иду за тобой, не решаясь напомнить тебе о своём присутствии. У меня высокая температура, если сейчас ты забудешь меня здесь – я не доеду до дома. Я лягу на обледеневшую скамейку, уткнувшись заложенным носом в снег и буду ждать. Ты поднимаешься по ступенькам, звонишь в домофон, слегка киваешь мне, как бы приглашая войти. Я радуюсь – мне не придётся замерзать под окнами чужого дома.

– Я развожусь с женой, – неожиданно сообщаем ты, когда мы уже стоим около чьей-то двери, – я сейчас познакомлю тебя со своей сестрой и её мужем.

Я не успеваю опомниться, твоя сестра открывает дверь. Она такая же, как ты, высокая и аристократично бледная,

она осматривает меня твоим взглядом. Я становлюсь вдвойне глупее и почти теряю сознание от растерянности и от температуры.

От твоих родственников мы уезжаем за полночь на такси. Твой чёрный форд остаётся стоять у подъезда. Ты пьян. Ты смотришь на меня почти с ненавистью, и цинично ругаешься матом. Я так и не поняла, зачем мы ездили к твоей сестре, почему ты разводишься с женой, и для чего ты напился до беспамятства. Я выхожу вместе с тобой, у твоего подъезда. Ты, не прощаясь со мной, неровной походкой идёшь к двери, выкрикивая в чей-то адрес ругательства. Родной мой, как же тебе плохо! Я готова всё отдать, только бы ты был счастлив.

\*\*\*

«Выходи», – ты снова краток. У меня день рождения, ты знаешь об этом, но вместо поздравлений ты зовёшь меня на улицу. У меня полон дом гостей. Мне даже было весело с ними. Но сейчас я безумно хочу бросить всех и бежать к тебе. У меня нет телефона – я не могу тебе ответить. Но уйти из дома прямо со своего праздника мне не позволяет воспитание. Я изнемогаю за столом, представляя, что ты ждёшь внизу. Ты не допускаешь даже мысли, что я не выйду. И я готова спрыгнуть к тебе с девятого этажа...

«Я всё ещё жду», – присылаешь ты второе сообщение. Ты всё ещё ждёшь, но уже недоволен. Ты сейчас уйдёшь, и я



больше никогда тебя не увижу. Я схожу с ума. Я что-то вру гостям и мужу, хватаю пальто и бегу вниз. Только дождись меня, пожалуйста. Я уже лечу к тебе, любимый...

\*\*\*

«Позвони», – ты хочешь меня услышать. Таксофон на углу не работает вторую неделю. Я снимаю с плиты недоваренный борщ, оставляю пятилетнего сына одного в квартире, и еду к маме. У мамы есть телефон.

– Привет, – говорю я в трубку дрожащим голосом, – это я.

– Привет, – твой голос звучит дружелюбно и даже нежно, – не звони мне больше, хорошо?

– Хорошо, – говорю я послушно и кладу трубку.

Я знала, что когда-нибудь это произойдёт. Я иду к окну. «Не звони мне больше», – я и так не звоню тебе никогда. Зачем ты так со мной? Тебе нравится меня мучить? Ты помирился с женой? Я не хочу без тебя жить.

Я открываю окно. Я лечу к тебе...

Ты по-прежнему отправляешь мне редкие сообщения. Ты никогда не подписываешься и не указываешь время встречи, потому что уверен, что кроме тебя я никого не жду. Потому что думаешь, что прибегу к тебе в любое время дня и ночи в любую географическую точку планеты. Потому что считаешь, что я всё ещё люблю тебя так, как никто никого нико-

гда не любил. Потому что полагаешь, что я ещё есть. Ты не замечаешь моего отсутствия...

# Чужое счастье

**Пятница.** Вечер. Они с женой на балконе развешивают белье – *Он* подает, она вешает. До меня доносятся обрывки фраз, смех... *Он* закрепляет последнюю прищепку, берет таз, пропускает жену вперед, бросает мимолетный взгляд на мой балкон – я делаю шаг назад, в темноту.

**Суббота.** Десять часов. Сейчас они поедут на прогулку. Собираю Юльку, рассматриваю свое отражение в зеркале – все идеально, но успеет ли *Он* оценить, столкнувшись со мной возле подъезда? Лучше ждать на остановке, делая вид, что мы тоже куда-то едем. Да, надеваю счастливое лицо – мы с Юлькой тоже семья, сегодня выходной день, и мы тоже едем отдыхать. А может и впрямь поехать, тем более, мы давно никуда не выезжали. Если повезет, мы сядем в одну маршрутку, может быть даже *Он* сможет улыбнуться мне украдкой от жены.

В предвкушении предстоящей поездки, Юлька весело бежит впереди меня, я догоняю ее, беру за руку, мы смеемся, и, наверное, со стороны смотримся вполне счастливой полноценной семьей. Хорошо бы – *Он* видел это. Осторожно поднимаю глаза на его окно – открыто, значит уже ушли (когда дома маленькая дочь, окна у них закрыты). Значит, я опоздала. Мгновение, которого я ждала все утро, упущено – мы

не увиделись. Настроение испорчено. Я уже не хочу никуда идти, и вечером не буду гулять с Юлькой возле подъезда. Пусть сегодня *Он* опять меня не увидит, пусть думает, что мне не до *Него*, и я весело провожу выходные где-нибудь за городом.

**Воскресенье.** Мы с Юлькой съездим сегодня в гости. Сейчас спущусь – куплю что-нибудь к чаю и поедем. Два часа, они теперь уже где-нибудь в парке или на пляже, случайная встреча исключена, поэтому бегу в магазин в домашних джинсах и кроссовках. По привычке смотрю на любимое окно. Он поливает цветы (какая прелесть), значит они сегодня дома. Рулет с чаем отменяется, ныряю за угол, кажется, не заметил, теперь побегу приводить себя в порядок, и будем гулять во дворе, вдруг *Он* с дочкой тоже выйдет, а нет – пусть смотрит из окна, я буду улыбаться, ведь у нас с Юлькой все хорошо.

**Понедельник.** Семь часов утра. Через пять минут они с дочкой выходят из дома, нужно успеть. Последние штрихи макияжа, поворот ключа в замке, лифт, непринужденный вид, «случайный» взгляд на *Его* окно – еще закрыто. А теперь можно медленно идти к остановке, спешить некуда – в детский сад нам к восьми часам, им раньше, наверное, уже вышли; может быть, *Он* уже смотрит мне в спину. Пусть смотрит – сегодня я выгляжу безупречно, не буду огляды-

ваться, я же спешу, и о *Нем* мне думать некогда. Его это заденет, и *Он* захочет мне позвонить. Сегодня его жена во вторую смену, возможно даже получится встретиться...

У Юльки развязался шнурок. Мы останавливаемся, я осторожно смотрю назад – вон они выходят из подъезда. Все, день начался удачно. Завязываем шнурки и, не оборачиваясь, легкой походкой, вперед, выбирая такой путь, чтобы *Он* подольше мог любоваться нами. Следующие полчаса мы топчемся у закрытых дверей детского сада, и я думаю о том, какая же я все-таки счастливая.

**Вторник.** Мы не виделись уже пять дней, если точнее – мы виделись, но я не допускала встречи взглядов, не допускала намеренно. Кажется, подействовало – весь вечер *Он* крутится на балконе. Я сижу в темноте в глубине комнаты и наблюдаю. Чувствую, как *Он* хочет, чтобы я вышла, но я не выйду и свет не включу – меня сегодня нет дома, я с подругами, а может, с друзьями и совсем не думаю о тебе, любимый!

Сегодня днем вы снова шли вдвоем, за руку ты держал дочь, а в другой нес какую-то коробку, а твоя супруга шла впереди вас и болтала по телефону. В сотый раз я рассматривала ее из окна, с удовольствием отмечая недостатки, убеждаясь, что я красивее, стройнее и интереснее, и задавала себе в сотый раз один и тот же вопрос: почему она, а не я?

**Среда.** Сегодня наблюдала картину под названием «*Его*

жена без *Него*». Что-то сместилось в расписании их жизни (которое я знаю наизусть) – утром мне не удалось *Его* увидеть, весь день их окно было закрыто, а вечером дочь из сада вела она одна. Это было впервые, в какой-то момент я даже испугалась, не случилось ли чего. Зрелище было забавное: она шла медленно и все время растерянно оглядывалась на остановку, будто заблудилась, потом начала звонить *Ему* (кому же еще?), долго разговаривала, потом взяла отставшую дочь за руку и уверенно пошла в обратную сторону. Через некоторое время они все втроем вошли в подъезд. Без *Него* домой не может дойти, меня сместила и злила ее беспомощность. Я каждый день тащу на руках Юльку в сад и обратно сама, я сама ношу коробки и сумки, я все делаю сама, мне приходится все делать самой... почему?

**Четверг.** *Он* все же не выдержал. – «Встретимся в шесть, мне так удобно.» Да, *Ему* удобно, после работы *Он* успеет привести дочку домой, выдумать значительную причину своего отсутствия и пообещать вернуться поскорее. А мне совсем неудобно, отпрашиваться с работы, бежать в другой конец города на встречу с *Ним*, чтобы потом с опозданием забрать из садика заждавшегося ребенка и ехать в пустую квартиру, где никто не ждет, но... я слишком долго *Его* не видела. Решаю: всего пять минут, скажу, что тороплюсь (хотя *Он* и сам знает, что время для меня неудобное). Пусть не думает, что я ради *Него* все бросаю. Скажу, что как раз была

в этом районе, вот и согласилась увидеться, долго задерживаться некогда, поэтому «пока, любимый»...

Вижу родной силуэт издалека. Чувствую, что таю. Вижу *Его* глаза. Я уже не хочу никуда уходить, изображать занятость и безразличие. Наоборот – хочется стать слабой и зависимой, прижаться, раствориться в *Нем*.

Я чувствую, что *Он* соскучился, хотя ведет себя сдержанно, впрочем, как и я. Знаю, что уйти уже не смогу, говорю совсем не то, что собиралась. Мы вдвоем идем в садик за моей дочкой.

Долю секунды Юлька недоверчиво всматривалась в *Него*, потом, решив, наверное, что «если дядя пришел с мамой, значит дядя хороший», успокоилась. Я сложила в пакет вещи, и, взяв ее за руку, мы пошли.

– А мне дашь ручку? – неожиданно спросил *Он* Юльку. У меня заколотилось сердце. Я была уверена, что моя, не избалованная мужским вниманием дочь, застесняется или, хуже того – заплачет. Сразу вспомнилось, как *Он* ведет за руку свою дочь, как внимательно слушает ее болтовню, как, играясь, они катаются по траве. Мне всегда так приятно было смотреть на это. Тут же промелькнула в голове вчерашняя сцена: *Его* жена с телефоном, а сзади маленькая, печальная девочка, забытая и непонятая – *Его* дочь. По ее опущенной головке и ссутулившейся фигурке было видно, как ей не хватает папы. Папы не было один день...

– Подержи, – Юлька протягивает мне какую-то безделуш-

ку, которую она несла из сада, и вкладывает свою ручку в *Его* ладонь. Я чувствую, как у меня дрожат губы. В каком-то волнении, *Он* берет у меня из рук пакет. Мы втроем держимся за руки – я и два моих самых любимых человека. У меня в жизни такое впервые, и с непривычки мне кажется, что мы занимаем слишком много места на тротуаре, как будто нас стало больше ни на одного человека, а на целую семью. За каких-то пятнадцать секунд пустота, постоянно изматывающая меня, вдруг заполнилась.

Еще мгновение, и мой любимый мужчина несет на руках мою дочь, а в левой руке мой пакет. Я в первый раз чувствую себя женщиной, хрупкой и защищенной. Вот уже они увлеченно беседуют, Юлька рассказывает Ему детсадовские новости, *Он* улыбается. Мне не снилось такое даже в самом счастливом сне.

**Пятница.** Вечер. С *Его* балкона доносится смех. Они развешивают белье. Она подает, *Он* вешает, свободной рукой держа дочку, которая пытается закрепить прищепку – получается, она восторженно смеется. Веселой гурьбой они уходят с балкона, *Он* идет последним, поворачивается, чтобы закрыть дверь. Я не вижу, смотрит ли *Он* в мою сторону – у меня в комнате темно, да еще, неизвестно откуда взявшиеся слезы, застилают глаза. Тишина, темнота, пустота... какой-то еле слышный звук, я вздрагиваю и поворачиваюсь – Юлька тихонько смеется во сне...



# Вторая любовь

Алёшка был моей второй любовью.

Не первой, которая, как правило, всегда безответна, и которую принято помнить всю жизнь. Не первой, которая хочет дружить, держась за руки, сидеть за одной партой и помогать носить портфель.

Алёшка был любовью второй... Той, которая мечтает о тесной скамейке под луной, о запахе сирени, и несмелом первом поцелуе... Той, которая даёт понять детям, что они выросли. Той, которая объясняет, что такое нежность. Той, которая... мечтает быть настоящей, взрослой... Только МЕЧТАЕТ БЫТЬ.

Нам было почти по тринадцать лет...

– Ты будешь мне писать? – Алёшка в первый раз за месяц нашей с ним дружбы был таким серьёзным. Капли дождя стекали по его светлым волосам на лоб и ресницы. Рубашка насквозь промокла, облепив его торс, ещё по-мальчишески худой. И я изо всех сил пыталась не смотреть на проступающие рельефы его ключиц и груди. Тогда я догадалась, что у Алёшки будут широкие плечи, и поняла, что мне это нравится. С тех пор и по сей день, в первую очередь я обращаю внимание на мужские плечи...

– Наверное, – произнесла я, чувствуя, что краснею. Каким-то подсознанием я понимала, что не должна сразу да-

вать положительный ответ, но ещё не улавливала – почему. Я вдруг задумалась о том, что Алёшка стоит совсем близко, и пристально смотрит мне в лицо. А вдруг он разглядит мелкие веснушки на кончике моего носа. А если ему это не понравится?

Весь июнь мы вместе гоняли на велике и играли в бадминтон, мы ходили на гороховое поле и строили шалаш в саду. Впереди у нас было ещё два месяца каникул. Два месяца – это очень долго. И мы никогда не говорили о том, что будет дальше. Мы ни разу не обсуждали нашу дружбу, казавшуюся обычной... детской. Весь июнь мне не было дела до Алёшкиных плеч и собственных веснушек... Что произошло?

Я не успела этого понять...

Вернее я всё поняла, но было уже поздно: Алёшка уехал внезапно. Рано утром первого июля в деревню за ним неожиданно приехала мама. Тогда я поняла, что взрослые тоже иногда резко меняют планы и не держат слова. Я ещё спала, когда друг с дорожной сумкой через плечо проходил мимо моей калитки. Я так и не узнала – смотрел ли он на мои окна, сожалел ли о том, что не успел попрощаться. Я так и не узнала адреса, на который он просил писать...

В то лето я отстригла косу, и написала своё первое стихотворение. В то лето мне больше не хотелось кататься на велосипеде и играть в мяч. Тем летом я безнадёжно повзрослела.

Я любила Алёшку ещё три года. Я всячески пыталась вы-

ведать хоть какую-то информацию о своём бывшем друге. Но соседка баба Соня – его бабушка не желала говорить на болезную тему: её сын, отец Алёшки, в то лето развёлся с женой. Вот почему мать тогда так неожиданно забрала моего любимого.

Постепенно я смирилась с мыслью, что никогда больше не увижу Алёшку. А потом пришла третья любовь. Та, которая уже вполне претендует на звание настоящей. Я приглашала свою новую любовь к себе домой, мы целовались за приоткрытой дверью, а потом вместе с моими родителями смотрели передачу «Ищу тебя». Просто она всех трогала за душу. К тому же, я втайне надеялась, что услышу с экрана своё имя... Но Алёшка не искал меня. Да, я особо и не огорчалась...

А ещё чуть позже я вышла замуж, и совсем позабыла о своих подростковых мечтах. И всё у меня шло отлично.

А потом появился интернет...

Мы общаемся с Алёшкой каждый день, на фотографии у него широкие плечи и серьёзный взгляд, такой же, как тем летом под дождём. Мы оба очень мечтаем встретиться. Правда теперь Алёшка живёт в другой стране. Но расстояния сейчас мало кого пугают... Я снова люблю Алёшку той второй любовью, которая мечтает о тесной скамейке под луной, о запахе сирени, и несмелом первом поцелуе... Той, которая даёт понять детям, что они выросли. Той, которая объясняет, что такое нежность. Той, которая... мечтает быть настоящей, взрослой... Только МЕЧТАЕТ БЫТЬ.

Судьба сделала круг, и я боюсь, что вот-вот Алёшка снова внезапно исчезнет. Не знаю куда: в наш век трудно исчезнуть, так как раньше. Но даже если это произойдёт, через несколько лет мы снова найдёмся... чтобы потом вновь потеряться...

Потому что так надо... ведь вторая любовь не стала последней, хотя и была самой настоящей... Действительно БЫЛА.

# Измена

Всё началось, как в дешёвом спектакле:

– Лёшка, чья это помада у тебя на пиджаке? – еле сдерживая смех, я разыгрываю из себя ревнивую жену, пристально рассматривая чуть заметное алое пятнышко у мужа на воротнике. Наверное, капнул кетчупом, вот замарашка. Снова придётся сдавать костюм в химчистку. Естественно, я ни на секунду ни сомневаюсь, что это кетчуп. Откуда у моего Лёшки на одежде может быть чужая помада? Ведь то, что мой муж обнимал другую женщину – это так же абсурдно как, если бы моя мама заявила, что больше меня не любит, и нашла себе другую дочь. Мы с мужем живём душа в душу. У меня отличная свекровь, умница дочь, и сын – ангелочек. Иринка – младшая сестра Лёшки меня обожает, несмотря на свой сложный возраст. У нас идеальная семья. В нашем доме всегда мир и веселье.

А Лешка неожиданно краснеет, торопливо застёгивает дипломат. Смотрит на часы, показывает, что опаздывает на работу. Я смотрю на его движения – потешаясь. Дурачок. Неужели он допускает мысль о том, что я буду ревновать его.

– А ещё он купил женский золотой браслет, – вдруг произносит Иринка, выходя из ванны. На её лице неподдельная злость. Наверное, поссорилась с парнем и просто пытается не расплакаться, прячась за маской жестокости. Надо будет

вечером успокоить её.

Лёшка смотрит на сестру как-то растерянно. Мой зайчик, готовил мне сюрприз, а Иринка всё испортила. Я пытаюсь подавить умиление при виде его мальчишеской смущенности:

– Ну-ка признавайся – кому купил браслет? – продолжаю я начатую пьесу.

– Аня, я не знаю, как это произошло. Ты прости, если сможешь. Там уже всё кончено. Я не знал. Она оказалась просто грязной потаскухой. Это длилось всего две недели. Меня занесло, – Лёшка тараторит, как ужаленный. Я по инерции продолжаю улыбаться.

– А ещё он сдавал анализ у венеролога, – зло кричит Иринка из-за двери.

Из кухни раздаётся грохот – это свекровь роняет тарелку. Всё затихает...

Что? Что это было? У меня сейчас взорвётся мозг. Куда занесло? Что длилось две недели? Какая потаскуха? Какие анализы? Это сон? Да, да, конечно, это всё мне снится, просто вчера на ночь я смотрела по телевизору передачу про супружескую неверность. Я начинаю трясти головой, но проснуться не получается. Всё ещё надеясь на чудо, я с силой щипаю себя за руку. Остаётся кровоподтёк, но боли я не чувствую. Я вообще мало что чувствую, кроме недоумения и нежелания жить. Ещё почему-то меня пугает слово «анализ», я силюсь вспомнить занимались ли мы с Лёшкой вчера

любовью. Нет. Точно нет. Он сказал, что устал. Правильно он устал – неделю до этого он работал в ночную смену. Секс был у нас неделю назад. Он сказал «это» длилось две недели. О боже! Мне тоже надо идти к венерологу! Какой позор! Какой ужас! А вдруг это будет СПИД? Моя жизнь кончена! Мой глубокий родственник, мой родной муж Лёшка изменил мне самым грязным способом, он принёс в дом заразу, он разрушил ВСЁ!

Я бегу в комнату и запихиваю в сумку какие-то вещи. Не вижу – какие. Вообще ничего не вижу!

– Изменить, изменить, прямо сейчас на улице, с грязным бомжем, назло, – у меня в висках что-то громко стучит, и я не слышу – выкрикиваю ли я эти слова, или произношу их мысленно.

Лёшка врывается в комнату. Хватает меня за руки. Я, продолжая выгружать из шкафа одежду, смотрю на мужа. Кажется, у меня дрожат губы и колени. Я хочу спросить что-то вроде: «Как же ты мог?» Но не нахожу слов, в которые можно было бы вложить всю мою боль, всё отчаяние и изумление. Лёшка начинает плакать. Когда-то уже я видела его слёзы. Сейчас почему-то не могу вспомнить – когда, но отмечаю, что муж плачет второй раз в жизни.

Дверь с шумом распаивает Иринка, она тоже плачет. Рыдая, кидается к вещам, я не понимаю, девочка пытается мне помочь или помешать. Неожиданно Лёшка начинает кричать на сестру. Я не слышу слов, у меня звенит в голове. Говорят,

что при сильной нагрузке на нервную систему в голове может лопнуть какой-то сосуд. Кажется, у меня сейчас лопнет.

Я выбегаю из комнаты без вещей и в халате, его зелёные полы заляпаны какой-то жидкостью. Откуда она? Наверное, это начинает проявляться страшное венерическое заболевание. Мне теперь всё равно.

На лестничной площадке стоит моя свекровь. Почему она здесь? Здесь обычно курят соседи? Моя свекровь не курит. Она вообще очень положительная и спокойная женщина. Хочет удержать меня? Или всё-таки курит? В руке у неё что-то белое и тонкое, но рука дрожит, и я не могу рассмотреть сигарета это или нет. Если свекровь закурила, значит, произошло, действительно, что-то страшное. Я пугаюсь ещё сильнее и смотрю ей в лицо. Оно не выражает ужаса. Лёшкина мама – мудрая женщина, она старается делать вид, что всё нормально. Это меня немного успокаивает. Я хочу пожаловаться на Лёшку и на свою поломанную жизнь всему миру, и одновременно в этот момент хочу стать такой, как свекровь – мудрой и сдержанной.

– Лёшка изменил мне, и заразил меня позорной болезнью, – говорю я с улыбкой, пытаюсь унять дрожь в ногах.

– Вот тебе раз, – вздыхает свекровь, так же она вздыхает, когда её внук – мой сынок приходит со двора с разбитой коленкой.

Мне становится ещё легче, и сосуд в голове уже не грозит лопнуть.



Я слышу звук приближающихся сзади шагов. Это Лёшка пытается меня догнать. Я бегу по ступенькам вниз, видя перед собой всё те же мелькающие, ядовито зелёные, в мокрых пятнах, полы собственного халата.

– Надо было переодеться, – то ли говорю, то ли думаю я. Но даже в грязной одежде я кому-то нравлюсь:  
– Девушка, – слышу я сразу, как только выскакиваю на улицу, – можно вас?

С этой фразы начинают знакомство все мужчины, я на неё обычно никогда не реагирую. Но сейчас другая ситуация. Мне нужно отплатить Лёшке его же монетой. Я оборачиваюсь и вижу нож, мелькнувший в руках у окликнувшего меня человека.

Это конец. Беда никогда не ходит одна. Измена, болезнь, маньяк на дороге. И что мне теперь делать? Оказывается, я уже далеко от своего подъезда. И мой неверный муж уже не догонит меня и не спасёт. Меня теперь никто не спасёт. У меня нет больше семьи и дома, у меня нет родных людей. Как это страшно! Человек с ножом приближается ко мне, ухмыляясь.

– Лёшка, Лёшка, – я пытаюсь кричать и бежать, но ноги и язык не слушаются меня. Почему они не слушаются? Так бывает только во сне.

Конечно же, это всё-таки сон – понимаю я внезапно... И просыпаюсь.

Как я сразу не поняла этого, разве такое может произойти

в жизни? В моей точно не может. И зелёного халата у меня никогда не было. Я вообще не люблю зелёный цвет...

# Миллион за мечту

\*\*\*

**Н...** всю жизнь мечтает купить домик на море, чтобы просыпаясь под шум прибоя, выходить на маленький резной балкончик, оплетенный виноградом, пить кофе из декоративной глиняной пиалы и вдыхать свежий, наполненный счастьем, морской воздух... Но для этого ему не хватает миллиона.

**Я** всю жизнь мечтаю о **Н...** Пить ли вместе утренний кофе, встречать ли закаты, или просто, как будто случайно, иногда касаться его плеча в тесноте городского транспорта...

**У...** всю жизнь мечтает обо мне. Зачем ему это **Я** не знаю. Говорит, что хочет сделать меня счастливой, но мне кажется, что не меня, а себя. А по большому счёту, мне всё равно, мне не интересно...

\*\*\*

«Что мне сделать для тебя?» – мысленно спрашиваю **Я** у **Н...**

Он улыбается. От меня ему ничего не нужно. Ему всё равно, что **Я** хочу сделать его счастливым. А **Я** знаю, что могу это сделать и знаю как...

Ему нужен миллион – миллион на мечту...

«Что мне сделать для тебя?» – мысленно спрашивает меня **Y...**

Но от него мне ничего не нужно. Мне нужен миллион на мечту **N...** то есть и на мою мечту тоже. **Я** люблю **N...**, а **N...** любит море. А **Я** хочу, чтобы он любил меня. **Я** дам ему миллион – он купит себе счастье, а **Я** куплю себе его любовь...

Как странно и цинично звучит фраза «куплю любовь». Любовь нельзя купить – так учили нас с детства. Но **Я** больше не хочу верить в это, иначе гибнет единственное, ради чего стоит жить – надежда. **Я** так хочу ласки и тепла, **Я** готова купить взаимную любовь за большие деньги...

«Ты бы поцеловал меня за миллион?» – вслух спрашиваю **Я N...**

«Да» – он ни сомневается ни секунды – он заплатит любую цену за мечту...

«Хочешь, я дам тебе миллион?»

«У тебя его нет»

\*\*\*

«Что мне сделать для тебя» – глаза **Y...** умоляют «только скажи, любой ценой я дам тебе это»

**Я** смотрю в его глаза как в пластмассовые зрачки бездушной пустой куклы и ничего не чувствую...

«Дай мне миллион» – мысленно отвечаю **Я**. **У...** слышит мою мысль.

Он встрепелся, он не думает сейчас о том, что миллион – это не мало, он думает о том, что невозможное стало реальным. Он даст мне миллион и купит мою любовь. Как искренне он сейчас верит в это... **Я** смотрю в пустоту его глаз, и мне становится жаль... себя.

**Я** не хочу целовать **У...** за миллион, **Я** не хочу, чтобы за миллион **Н...** целовал меня.

«Мне ничего не нужно от тебя» – говорю **Я** вслух **У**. Мне становится легче, а **У...** тяжелее... А может быть наоборот... **Я** поворачиваюсь спиной и ухожу. Никогда-никогда **У...** не купит мою любовь, она не продаётся ни за какие деньги. **Я** иду и плачу, и **У...**,наверное, тоже плачет, Но мне нет дела до его слёз. И плачу **Я** не из-за него – я прощаюсь с **Н...**

\*\*\*

Любовь нельзя купить за деньги – так учили нас с детства. Как страшно, что это так... Как хорошо, что это так...

А домик на море купить можно. Это хорошая добрая мечта. На эту мечту **Н...** нужен миллион... всего лишь миллион рублей на мечту...

А **Я** повернусь спиной и уйду, может быть станет тяжелее, а может быть легче...

# Смайлики

Как хорошо, что человечество придумало смс-ки! Ну, разве раньше я бы смогла прислать тебе почтой одно слово «Привет». Это было бы, как минимум глупо. Во-первых, писать незнакомому человеку письма – странное занятие. А во-вторых, вообще нерациональный подход к делу, так сказать, получается: нужно сбегать в киоск за конвертом, на почту за маркой, вырвать тетрадный листок, несколько раз на черновике опробовать почерк, облизать краешек конверта, «опечатать» этот краешек для верности несколькими штрихами-полосками, и бережно под линейку вывести индекс. А потом всю неделю заглядывать в синий ящик на заборе, в ожидании ответного послания. И всё это ради одного слова, на которое ты можешь и не ответить. А больше чем одно слово девушка первой писать не должна. Так меня учила мама. Девушка и одного слова первой писать не должна, но... Так хочется. Что же делать? Придумала. Я пошлю тебе смайлик. Смайлик – это не слово. Про смайлики мама в детстве мне ничего не говорила. Тогда не было смайликов. Как тогдашние девушки обходились без смайликов? Я бы умерла от нетерпения прямо здесь – в поезде, увозящем меня от тебя, если бы на свете не было смайликов.

Мой смайлик-колобок улыбаясь, сигналил о доставке смс-ки. Мгновение, и ты на другом конце страны получаешь мой

конвертик. Как хорошо, что человечество придумало смски!

Ты тоже не знаешь, как начать разговор. И присылаешь ответный смайлик.

Я ликую. Беседа завязывается. Значит, вчера на конференции ты заметил меня, заметил и выделил.

Когда мы встретились взглядами, я почему-то сразу подумала, что неплохо было бы иметь такого мужа, как ты. Воспитанный, аккуратный, в костюме и идеально начищенных туфлях ты выглядел таким надёжным и заботливым. Интересно, сколько тебе лет? Ты вроде такой уже мужчина, но совсем ещё мальчик. Такой маменькин сынок в хорошем смысле. Мама положила тебе выглаженный платочек в нагрудный карман, а папа похлопал по плечу, желая удачи. А ещё у тебя, совершенно точно, есть бабушка. Бабушки создают уют дома. А у тебя дома уютно и тепло. Я сразу это поняла. Только у тех людей, у которых есть дом-крепость, бывает такое спокойное и счастливое лицо. Мне сразу захотелось жить у тебя. С тобой. В уютном доме, с сильным мужчиной, за каменной стеной. Это была первая мысль, а уже потом я рассмотрела твои серые добрые глаза, твои ухоженные руки, твоё загорелое тело в отворотах рубашки. Уже потом я подумала, что хорошо было бы прижаться к тебе, провести рукой по щеке, коснуться твоих волос и губ.

Я не имею права написать тебе обо всём этом. Но о чём тогда? Не могу же я писать о вчерашней конференции. Тем

более, что я совершенно не слышала, о чём на ней шла речь. Мне показалось, ты тоже не слышал... Я отсылаю тебе два улыбающихся смайлика. Это единственное, что пришло мне в голову. Если ты сейчас ответишь, моя голова окончательно отключится, я себя знаю...

Ты отвечаешь – жёлтый колобок без носика, лукаво подмигивает мне с дисплея. Тебе нравится эта игра. Ты рад, что я начала её. Милый, робкий, хороший мальчик! Как хорошо, что человечество придумало смс-ки!

Моя очередь. Я уже готова отправить пульсирующее сердечко, но вовремя нажимаю кнопку отмены. Голова, голова, подожди выключаться. Я должна казаться скромной девушкой. Так учила мама. Отправляю смущённого краснеющего колобка – делаю задний ход, типа, это не я пять минут назад начала диалог, и вроде как, совсем не понимаю, с чего это ты мне здесь помигиваешь.

Как раньше девушки жили без смс-ок? Сколько конвертов надо было потратить на такой вот многозначительный диалог!

Ты тоже шлёшь стесняющуюся рожицу. Какая прелесть! Ты боишься начать разговор. И я не знаю, как его начать. Жаль, что сейчас день, вечером я бы придумала что-нибудь. Вечер больше располагает к романтическому общению.

«Можно я позвоню тебе вечером?» – пишу я, нарушая «мобильную» бессловесность. Сердце колотится где-то в горле. Ты будешь благодарен мне за этот смелый шаг.



# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.